

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 6 (51)
2017**

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 6 (51) 2017 г.

Выходит 6 раз в год.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Учредитель журнала:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет».

Адрес редакции:
ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, каб. 413,
г. Сургут, Тюменская обл.,
ХМАО – Югра, 628417
Телефон: 8 (3462) 22-31-87
E-mail: vestnik@surgpu.ru

Сдано в печать 24.12.2017 г.
Формат 70x100/16
Авт. л. 8,6
Печать цифровая
Гарнитура DejaVu Serif
Тираж 1000
Заказ № 63
Техническая редакция, вёрстка – РИО СурГПУ
Отпечатано в РИО СурГПУ

ISSN 2078-7626

Surgut
State
Pedagogical
University

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

**№ 6 (51)
2017**

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

This Bulletin has started its publishing activity since 2007 in the form of 6 issues annually.

This academic journal has been registered in the Russian Federal Agency supervising over the mass media, tele- and radio- communication saving in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate is ПИ № ФС 77-29393, August 24, 2007.

Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra «Surgut State Pedagogical University».

The editorial office address is:

50 let VLKSM st., 10/2, room № 413,
Surgut, Tyumen region,
Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra,
Russia, 628417

Telephone number: 8 (3462) 22-31-87

E-mail: vestnik@surgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	9
--------------------------	---

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

<i>Дурновцев В.И.</i> «Environmental History» как «экологическая история» (историографические заметки)	10
---	----

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

<i>Виноградов А.В.</i> Окружающая среда и русская колонизация территорий Казанского ханства (1552-1700 гг.)	20
<i>Любимова Г.В.</i> Отчеты землеустроительных партий как источник по экологической истории и культурному ландшафтоведению Сибири	26
<i>Милевский О.А.</i> История геолого-географического изучения бассейна Кучукского озера в 1920-1940-х гг.	34
<i>Боровой В.С.</i> Дискуссии о создании треста «Арктикуголь» для добычи угля на Шпицбергене в 1931-1932 гг.	42
<i>Шмыглева А.В.</i> Антропогенное воздействие как фактор деградации экосистем Западной Сибири в советский период	48
<i>Михеева Ю.С.</i> Конструирование образа природы Сибирского Севера в региональной печати 1950-1980-х гг.	55
<i>Воробьев Д.В.</i> Снегоход и олень: освоение пространства в свете локальности и магистральности культуры	61

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА

<i>Афанасьев Г.Ю.</i> Природоохранная и экологическая повестка в общественной жизни Российской империи второй половины XIX - начала XX вв.	68
<i>Мостовенко М.С.</i> Развитие нормативно-правовой базы в области использования и охраны биологических ресурсов на Севере Западной Сибири в 1950-1980-е годы	75

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА

<i>Агафонова А.Б.</i>	Правовое регулирование вопросов санитарного благоустройства российских городов в 1870–1910-е гг.	83
<i>Калеменева Е.А.</i>	Северный климат как «враг» и как ресурс в советских урбанистических проектах арктических городов 1940-х гг.	89
<i>Стась И.Н.</i>	Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.)	96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Виноградов А.В., Гололобов Е.И.</i>	Экологическая история в России и о России в 2017 году	104
--	---	------------

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	108
----------------------------------	------------

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ	110
--	------------

CONTENTS

<i>From the editor</i>	9
------------------------------	----------

HISTORIOGRAPHICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS IN ENVIRONMENTAL HISTORY

<i>Durnovtsev V.I.</i> «Environmental History» as «Ecologicheskaya Istoriya» (Historiographical Notes)	10
---	-----------

ENVIRONMENTAL HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

<i>Vinogradov A.V.</i> Environment and Russian Colonization of the Kazan Khanate's Territories (1552-1700)	20
<i>Lyubimova G.V.</i> Reports of Land-Management Agencies as a Source on the Environmental History and Cultural Landscape Studies of Siberia	26
<i>Milevsky O.A.</i> History of Geological and Geographical Studies of Kuchukskoye Lake Basin in the 1920-1940s	34
<i>Borovoy V.S.</i> Discussions on the Establishment of the Coal-Mining Trust "Arktikugol" on Spitsbergen in 1931-1932	42
<i>Shmygleva A.V.</i> Anthropogenic Factor in Degradation of Ecosystems in Western Siberia in the Soviet period	48
<i>Mikheeva Yu.S.</i> Bulding an Image of the Siberian North in the Regional Press, 1950-1980-ies	55
<i>Vorobyev D.V.</i> Snowmobile and Reindeer: Space Development in the Light of Cultural Locality and Its Long-Range	61

THE ROLE OF STATE INSTITUTIONS AND PUBLIC ASSOCIATIONS IN SOLVING THE ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE SOVIET UNION

<i>Afanasiev G.Yu.</i> Environmental and Ecological Agenda in Public Life of the Russian Empire in the Second Part of XIX - Beginning of XX Century	68
<i>Mostovenko M.S.</i> Law System Development in the Sphere of Biological Resources in the North of Western Siberia in the 1950-1980 th years	75

CONTENTS

ENVIRONMENTAL HISTORY OF THE CITY

<i>Agafonova A.B.</i>	Legal Regulation of City Sanitation in the Russian Empire (1870-1910)	83
<i>Kalmenev E.A.</i>	Northern Climate as "an Enemy" and a Resource in Soviet Urban Planning Projects for Arctic Towns in the 1940s	89
<i>Stas I.N.</i>	The Concept of Landscaping and Environmental Issues in the Soviet General Plans of Surgut (1964-1990)	96

SCIENTIFIC LIFE

<i>Vinogradov A.V., Gololobov E.I.</i>	The Year of Ecology in Russia and Environmental History	104
---	---	------------

<i>INFORMATION ABOUT AUTHORS</i>	108
---	------------

УДК 94:502.5(571.1/.5)
ББК 63.3(253)-21+65.28(253)-3

Г.В. ЛЮБИМОВА	<p style="text-align: center;">ОТЧЕТЫ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ПАРТИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОМУ ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЮ СИБИРИ</p>
G.V. LYUBIMOVA	<p style="text-align: center;">REPORTS OF LAND-MANAGEMENT AGENCIES AS A SOURCE ON THE ENVIRONMENTAL HISTORY AND CULTURAL LANDSCAPE STUDIES OF SIBERIA</p>

*Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 15-01-00453
The research was made with the support of RFBR, project № 15-01-00453*

Процессы освоения и обживания сибирских степных и лесостепных ландшафтов сибиряками-старожилами и российскими переселенцами в первые десятилетия XX в. рассматриваются в статье на материалах отчетов землеустроительных партий, созданных в период реализации столыпинской аграрной реформы. Анализируются возможности выявленных архивных документов как специфических источников по экологической истории сибирского региона, особенно полезных при изучении вопросов культурного ландшафтоведения.

On the basis of the reports of Land-Management Agencies appeared during the Stolypin agrarian reform implementation the article presents processes of development and habitation of the Siberian steppe and forest-steppe landscapes by Old-residents and Russian settlers in the first decades of the XX century. The potential of newly revealed archival documents as a source on the environmental history of the Siberian region especially useful in cultural landscape studies is analyzed.

Ключевые слова: культурные ландшафты Сибири, хозяйственная адаптация, местные крестьянские сообщества.

Key words: cultural landscapes of Siberia, economic adaptation, local peasant communities.

Изучение принципов организации жизненного пространства, способов адаптации местных сообществ к природному окружению всегда входило в число важнейших проблем экологической истории, в том числе такого направления, как культурное ландшафтоведение. Стоявшие у его истоков исследователи уже в первые десятилетия XX в. ставили вопросы о том, чем определяется конфигурация культурных ландшафтов? Что лежит в основе их содержательного наполнения? Каковы исходные обстоятельства и движущие силы, которые преобразуют природную среду, превращая ее в освоенное, пригодное для жизни пространство?

К примеру, основоположник отечественной антропогеографии Л.С. Берг, писавший о необходимости разделения *хорологических* и *хронологических* наук как отраслей знания, изучающих распределение событий и явлений, соответственно во времени и пространстве, подчеркивал, что географ должен интересоваться не «отдельные вещи», а «закономерные группировки предметов органического и неорганического мира на поверхности земли» [1]. Воплощением подобных группировок, по мнению автора, являются ландшафты, подразделявшиеся им на культурные и природные (в зависимости от участия или неучастия человека в их создании) [1]. Таким образом, несмотря на определенный «природный» перекоп, как отмечает В.Н. Калуцков, в российской науке сформировалось понимание ландшафта как сложного природно-культурного комплекса. К отличительным его характеристикам были отнесены не только «особенности рельефа, климата (и) раститель-

ного покрова», но и компоненты, обусловленные присутствием и деятельностью людей, а именно «население, пути сообщения, возделанные площади земли и т.д.» [4, с. 14–15].

В зарубежных исследованиях интерес к проблемам культурного ландшафтоведения проявился почти на десятилетие позже. На смену преобладавшему в то время географическому детерминизму пришел разработанный К. Зауэром ландшафтно-морфологический подход, согласно которому культура представляет собой активное начало («формообразующую силу»), природный ландшафт выступает в качестве исходного материала, а преобразованный человеком культурный ландшафт является результатом их взаимодействия [15, р. 309–310].

Ценным источником для изучения очерченной проблематики на сибирских материалах могут служить отчеты землеустроительных партий, созданные в период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина. Влияние столыпинских аграрных преобразований в Сибири, как пишут авторы коллективной монографии «Столыпинские мигранты в Алтайском округе», проявилось не столько в проектах разрушения крестьянской общины и введения частной крестьянской собственности на землю, сколько в беспрецедентных по массовости аграрных миграциях из Европейской России, в ходе которых за Урал переселилось более 2,5 млн человек [11, с. 5]. По масштабам и степени воздействия на экономику региона массовые крестьянские миграции 1906–1914 гг. наряду с «производимым одновременно землеустройством», считает М.В. Шиловский, «следует квалифицировать как переселенческую революцию», одним из следствий которой стала «унификация землепользования всех категорий сельского населения (старожилов, переселенцев и аборигенов)» [13, с. 3]. Регулярные землеустроительные работы в ходе реализации столыпинской аграрной реформы проводились на переселенческих участках и в старожильческих селениях с 1908 г. [6, с. 76]. Вместе с тем, в землеустроительных отчетах отразились сведения, позволяющие восстановить механизмы освоения и обживания сибирскими крестьянами степных и лесостепных ландшафтов края.

В основу исследования положены документы по отводу и разграничению лесных и земельных наделов сельским обществам Чингинской вол. Барнаульского у. Томской губ. [10]. Упомянутые в документах селения (Артамоново, Бедрино, Ерестная, Заковряшино, Мышланка, Холодное, Шигаево и др.), согласно современному административно-территориальному делению, относятся к Сузунскому р-ну Новосибирской обл. Все они находятся на правом берегу р. Оби в лесостепной полосе, прилегающей к Караканскому ленточному бору. В рельефе местности присутствуют вытянутые с северо-востока на юго-запад гривы и межгривные понижения, расчлененные довольно густой сетью обских притоков (рр. Сузун, Каракан, Мышланка, Холодная, Сухая, Ерестная и др.) [5].

Начало всех документов относится к 1908 г., тогда как окончание датировано 1909–1914 гг. Однотипная структура отчетов включает в себя качественную и количественную характеристику основных компонентов природного и культурного ландшафта (прежде всего общинных угодий), а также оценку местных крестьянских сообществ с точки зрения их материального положения, хозяйственной деятельности и правового статуса.

Местоположение селений, каждое из которых представляло собой «обособленную во всех угодьях общину», описывается в документах через обязательную географическую привязку к речной системе и указание на удаленность от волостного центра (с. Битки). Так, д. Артамоновская характеризуется как селение, расположенное «на обоих берегах р. Каракана, правого притока р. Оби, в 7 верстах от волостного правления» [10, № 1, л. 1]. Наиболее удаленные селения – дд. Мышланка, Холодная, Ерестная и Бедрина – располагались в 20–25 верстах от центра, соответственно на западной, восточной, северной и южной границах волости [10, № 2, л. 14; № 3, л. 2; № 7, л. 3; № 9, л. 1].

Помимо общего числа хозяйств в каждом селении, а также количества душ мужского и женского пола в документах учитываются различные категории крестьянского населения – крестьяне-старожилы и российские переселенцы (как причисленные, так и не причисленные к сельским обществам). Соотношение таких данных, как численность населения, количество построек, домашнего скота, размеры лесо- и землепользования и некоторых других (включая объемы сенокошения), позволяет произвести первичную оценку экологической емкости ландшафтов¹, освоенных сельскими сообществами. Например, оценить, сколько десятин удобной земли приходилось в общине на одного «бойца» или какую долю от всей дачи селения занимали леса (табл. 1).

Таблица 1

Сводные данные для первичной оценки экологической емкости сельских ландшафтов Чингинской вол. Барнаульского у. Томской губ. (1908-1914 гг.)

Название селения	Численность населения (чел.)	Количество хозяйств	Число годных работников («бойцов»)	Землепользование (дес.)		Лесопользование (дес.)	Всего (дес.)
				удобной земли	неудобной земли		
Артамоново	788	160	210	10262	1280	24390	35932
Бедрино	376	61	144	5164	252	982	6398
Ерестная	187	42	46	818	3906	31198	35922
Заковряжино	нет данных	нет данных	378	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Мышланка	969	144	226	6508	405	0	6913
Холодное	380	75	84	3807	380	2037	6224
Шигаево	404	76	100	6220	2019	428	8667
Урюпино	319	53	нет данных				

Примечание. Составлено на основе документов землеустроительных партий по отводу и разграничению лесных и земельных наделов крестьянам Чингинской вол. Барнаульского у. Томской губ. [10].

Рассмотрим типичное «описание дачи» на примере д. Артамоновской. В землеустроительном отчете сказано, что р. Каракан делит ее на левую (лесную) и правую (степную) стороны. Лесная половина дачи «занята частью Караканского бора, по кромке которого тянется полоса лиственного леса». В ней много болот, согр и мало еланей, «удобных для пахоты и сенокошения». Степная часть дачи орошается рр. Рубчихой, Черемшанкой и Глинчихой, здесь же берут начало небольшие притоки р. Сузун. Гривы, разделяющие речки, почти безлесны и «вполне пригодны для пашен», а потому на них сосредоточены все посеы жителей деревни. Речные долины и низменные места – лога и лощины – удобны для сенокошения. Покосы во множестве встречаются по борovým полянам и среди окаймляющих бор березняков. Лиственным лесом поросла также вся поскотина. К неудобным землям относятся болота, в особенности расположенные по левому берегу р. Каракан, и разбросанные по березнякам согры [10, № 1, л. 1 об.-2].

¹Под экологической емкостью ландшафта обычно понимают численность населения, которую ландшафт способен поддерживать своими естественными экологическими ресурсами без ущерба для собственного функционирования и экологического потенциала (см.: [3]).

Описания других дач также насыщены подробными характеристиками пашен, сенокосов и выгонов («скотских выпусков»). Таким образом, все перечисленные в отчетах компоненты природного ландшафта – лога, лощины, гривы, болота, согры, елани, а также боровые места, листовенные леса и реки – рассматриваются в первую очередь как потенциальные хозяйственные угодья. Качество угодий оценивается при этом с помощью выражений «лучшие», «удобные», «вполне пригодные» или, наоборот, «менее ценные», «неудобные» и вовсе «слабые земли».

«Вполне пригодными для хлебопашества», как правило, считались «почти безлесные» или «поросшие редниками берез» возвышенные места – гривы [10, № 7, л. 3 об.; № 9, л. 2; № 10, 2 об.]. Как «менее ценные пашни» расценивались «небольшие клочки», разбросанные среди леса или «чередующиеся с солонцами, колками и сограми» [10, № 3, л. 3; № 4, л. 2]. Для лучших покосов обычно отводились низменные места вдоль широких, но неглубоких, «поросших хорошей травой» речных долин. Удобными для сенокосения признавались и так называемые «мокряди» [10, № 3, л. 3; № 10, л. 3].

Оценка лесных угодий также производилась с учетом их потенциальной ценности для крестьянского хозяйства. В зависимости от категории лес наделялся эпитетами «небольшой», «мелкий», «редкий» или, наоборот, «густой», «чистый» и даже «красный». «Красным» в документах назван лучший по качеству строевой лес, к примеру, «сплошное боровое место» в д. Ерестной. Примером «дровяного» («дроворубного») и «поделочного» леса может служить березняк в д. Бедриной, который тянулся «узкой полосой по р. Сухой», но «годился... лишь «на топливо и мелкие хозяйственные поделки» [10, № 1, л. 2; № 2, л. 15; № 3, л. 2 об.-3; № 7, л. 5; № 9, л. 2 об.].

Представленные материалы согласуются с мнением Н.И. Никитина о том, что окружающая природа воспринималась крестьянами сквозь призму бесхитростной формулы «красиво то, что полезно». Иными словами, характерное для народных воззрений отождествление утилитарной и эстетической ценности распространялось и на оценку природного окружения: «красными» (то есть красивыми) в народе называли те места, которые выглядели удобными для строительства поселения и вообще для проживания и приложения человеческих рук [9, с. 344–345]¹.

Еще одна особенность традиционных практик природопользования, нашедшая отражение в отчетах землеустроительных партий, была связана с максимально полным использованием крестьянами всех пригодных в хозяйственной деятельности участков. Пахотные угодья, как уже отмечалось, могли располагаться «не (только) сплошными площадями», но и «небольшими клочками среди леса» или «чередуюсь с солонцами, колками и сограми» [10, № 3, л. 3; № 4, л. 2]. Авторы документов констатировали, что крестьяне «косят сено по пашням, пустошам и всем удобным лощинам», и даже «крутые откосы долины речки Сухой, русло которой заросло кустарником и местами заболочено, также ежегодно выкашиваются». Землеустроители нередко указывали конкретные участки, дававшие «самое лучшее сено», например, «около Тетеревлиного лога и озера Карасьего» или в степной местности «около Сузунского бора и в Ягодном логу» [10, № 2, л. 15; № 4, л. 2].

По документам хорошо видно, что к планированию результатов земледельческого труда крестьяне подходили дифференцированно, с учетом изменчивых погодно-климатических условий («сырых» и «засушливых» лет). Так, жители д. Бедриной хорошо знали, что те пашни, которые «лежат ближе к бору, лучше в засушливые годы, а удаленные от бора – в года сырые». Точно так же крестьяне д. Шигаевой были осведомлены, что там, где «земли

¹Подобные воззрения, по всей видимости, относятся к разряду универсальных, поскольку характеризуют не только земледельческие, но и кочевые культуры. По словам А.В. Головнева, для «арктических охотников «красиво» и «практично» – одно и то же. Кочевая эстетика (как и мифология) метафорична и образна, но в то же время практична и рациональна» [2, с. 14].

слабее», «хлеба родятся (лучше) только в засушливые годы» [10, № 2, л. 15; № 10, л. 2 об.].

Приведенные примеры свидетельствуют о высокой степени адаптированности крестьянских хозяйств Сибири к природно-климатическим и ландшафтным условиям конкретной местности – будь то степные или боровые участки, лога или согры, низины или возвышенности. Как пишет в этой связи Т.К. Щеглова, крестьяне хорошо знали потенциальные возможности отдельных территорий и производительность общинных угодий, особенности почвы и климата. В зависимости от этого определялись сроки посева и уборки урожая, состав культур, способы содержания скота, рациональное сочетание различных направлений хозяйственной специализации. Утверждение с 1930-х гг. командно-административной системы хозяйствования, а также распространение колхозно-совхозной практики массовых пахот и посевов одинаковых культур на больших площадях привели к резкому снижению экологического потенциала крестьянских производственных традиций [14, с. 81-84, 113, 470].

Возвращаясь к отчетам землеустроительных партий, следует также отметить такую черту коллективного общинного землепользования, как острое восприятие границ «своего пространства» – освоенной собственными силами территории. Судя по имеющимся данным, местные крестьянские сообщества, обозначенные в документах как «бедринцы», «артамоновцы», «заковряшинцы» и пр., пребывали в состоянии перманентных поземельных споров друг с другом из-за пахотных и сенокосных угодий. Так, «битковцы» много лет вели спор с «артамоновцами» из-за «из-за лужка... между речками Черемшанкой и Глинчихой, копен на 50» [10, № 1, л. 3 об.]. «Бедринцы» долгое время безуспешно пытались «отжить от грани» «заковряшинцев», постоянно переходивших границы владений своими пашнями [10, № 2, л. 16]. «Ерестинцы» обвиняли жителей д. Маюрово «в захвате пахотных земель» [10, № 3, л. 4 об.]. Предметом спора «мышлановцев» и «шайдуровцев» являлась «речка Поганка», которую одни считали границей своих угодий, а другие, напротив, полагали, что «вся речка находится в даче (их) общины» [10, № 7, л. 5].

Причинами подобных споров нередко являлись «незнание или неодинаковое нанесение на планах той и другой деревни границ», поскольку «в копиях плана» границы зачастую указывались по-разному [10, № 7, л. 5; № 9, л. 3 об.]. Именно это произошло с «бедринцами», узнавшими «у какого-то проезжего землемера», что «их граница», в соответствии с имевшимся у него планом, «идет гораздо дальше на восток», с чем «заковряшинцы», конечно же, не могли согласиться [10, № 4, л. 3]. Согласно документам, данное «дело разбиралось в волости через «абокатов» окольных деревень». Был даже «произведен разъезд граней». Однако и пять лет спустя «заковряшинцы» продолжали «переходить пашнями за дорогу», в чем «бедринцы» видели нарушение своих прав [10, № 2, л. 16].

Весьма показательным представляется многолетний спор между жителями дд. Ерестная и Маюрово. На первый взгляд, пишут составители отчета, выдвинутое против «маюровцев» обвинение «представляется совершенно вздорным», поскольку «у ерестинцев в сущности так мало хлебопахотной земли, что (ее) захваты являются совсем мало вероятными». Однако в ходе разбирательства были вскрыты особые обстоятельства, определившие суть «земельных недоразумений». «В прежние времена, – по словам «ерестинцев», – к (Караканскому) бору с восточной стороны примыкала темная непроходимая дуброва, часть которой была замежевана в дачу д. Ерестной. В этой дуброве пахотных мест почти не было, но поляны представлялись вполне пригодными для сенокосения. В виду этого между ерестинцами и крестьянами (окрестных деревень)... состоялось соглашение, по которому ерестинцы могли пахать в дачах этих деревень, а их жители – косить на прогалинах в ерестинской дуброве». Постепенно «дуброва... вырубалась, вы-

жигалась и уничтожалась другими способами», пока не «приобрела свой теперешний вид, а вместе с тем удобные уже для распашки места, которые и начали захватывать... крестьяне других деревень». Так, «маюровцы» «зашли пашнями... (в) бывшие свои сенокосы в дуброве». Волостной суд «постановил (принять) решение в пользу крестьян д. Ерестной, признав захваты маюровцев неправильными и присудив взыскать с них 20 рублей». Однако «маюровцы» «до сих пор... не прекратили своих захватов и не уплатили ерестинцам присужденных с них денег» [10, № 3, 4 об.-5].

Вместе с тем подобного рода судебные дела парадоксальным образом содействовали развитию отношений собственности, а также распространению разнообразных форм коллективной ответственности за использование природных ресурсов и состояние окружающей среды в целом¹.

Важной особенностью общинных способов эксплуатации земельных угодий, как следует из отчетов, являлось «вольное» использование крестьянами всех пахотных земель. Ср.: «пользование всеми пахотными землями вольное, без деления их на душевые пайки» [10, № 7, л. 4 об.]; «все пахотные земли находятся в вольном пользовании крестьян» и «не переделываются по душам» [10, № 1, л. 2 об.; № 2, л. 15 об.; № 3, л. 4; № 9, л. 2 об.]. Через каждые три-четыре года работы пахотные земли оставались в залежь и делались «достоянием общества» [10, № 10, л. 3 об.]².

В отличие от пахотных земель, сенокосы были «поделены по душам» на «сенокосные пайки», пользование которыми регулировалось каждой общиной самостоятельно [10, № 4, л. 2 об.; № 10, л. 3 об.]. Лучшие пайки – расположенные по рекам («поречные») и низинам покосы – переходили от отца к сыну и назывались «родчими», или «коренными». На полный пай имели право только «бойцы»³ от 14–15 до 60 лет. Однако в силу постоянного возрастания числа душ не все бойцы могли получить «родчий» пай. Таким бойцам, а также «малолеткам», вдовам и старикам выделялись «вольные» пай из пустошей [10, № 1, л. 2 об.-3; № 2, л. 15 об.; № 3, л. 4].

Ежегодная «делянка покосов» обычно производилась «всем обществом... глазомерно» [без использования измерительных приборов. – Прим. Г.Л.], а сенокосный участок оставался за тем хозяином, который заявлял на него «большее количество душ». Подобный способ распределения пайков назывался «по набой» или «с набоем душ» [10, № 4, л. 2 об.]. Ср.: «Общество определяет, за сколько душ можно пустить данный сенокосный участок, а затем идет набой душ, и участок остается за тем, кто берет его за большее количество душ» [10, № 9, л. 2 об.-3].

Со временем переделы сенокосных участков происходили реже – раз в 3–4 года. Авторы документов констатировали, что «ежегодные переделы, отнимающие 3–4 дня, не выгодны для общества. Кроме того, при более продолжительном пользовании наблюдается более бережливое отношение к сенокосам» [10, № 9, л. 3]. К примеру, крестьяне д. Урюпиной уже «лет 6 назад» поделили сенокосы сроком на 10 лет. «Такое продолжительное пользование сенокосными полями, говорится в отчете, объясняется стремлением общества к улучшению их, так как замечено, что при более продолжительном пользовании домохозяева лучше относятся к своим покосам и, наоборот, при менее продолжительном – небрежность является характерным признаком их отношения, а это, конечно, не может не отражаться дурно на качестве покосов» [10, № 10, л. 3 об.].

¹К примеру, рыбоохранная деятельность сибирских крестьян, отмечает Н.А. Миненко, стимулировалась тем, что каждой деревне принадлежали «свои участки реки и мелкие озера», которые «старались оберегать» [8, с. 150–151].

²При этом «неравномерность» в пользовании пашнями, обращают внимание составители документов, служила причиной «частых столкновений между членами общины» [10, № 4].

³Вплоть до начала XX в. «бойцами» в Сибири называли крестьян, владевших землей и несущих основную тяжесть всех податей и повинностей [7, с. 20].

Еще более явные экологические тенденции можно проследить на примере лесопользования. Отчеты землеустроительных партий свидетельствуют о растущем стремлении крестьян к рациональному использованию лесных ресурсов.

Известно, что сибирское лесопользование вплоть до конца XIX в. (времени резкого возрастания эксплуатации лесных ресурсов) носило вольный, практически ничем не ограниченный характер. Процесс проведения землеустройства в ходе реализации столыпинской аграрной реформы предусматривал выделение крестьянам лесных наделов [12, с. 165]. Для пользования строевым лесом по валовому лесорубочному билету крестьянам отводились «делянки». Жителям д. Артамоновой такая делянка была предоставлена «в Караканском бору по речке Поперечной в 7 верстах от селения» [10, № 1, л. 3], «бедринцам» – «в Инском бору у Моховых озер, верстах в 15 от селения», крестьянам других селений – в 20 и более верстах от населенного пункта [10, № 2, л. 15 об.]. «Вследствие плохого качества леса, а также дальности расстояния» многие сельские общества, согласно отчетам, хотели бы получить наделы вблизи селения [10, № 7, л. 5].

Наряду с этим наблюдается зарождение особого отношения к лесам, растущим в пределах поскотины¹. Так, еще в 1900 г. жители деревни Заковряшиной «постановили приговор, воспрещающий рубить в поскотине лес на неопределенный срок». За нарушение приговора общество налагало «штраф в размере 25 коп. за срубленное дерево» [10, № 4, л. 3]. Похожие приговоры («заказы» на лесную чащу в поскотине) на пять, десять лет или с пометкой «срок приговора не определен» были приняты и в других селениях. Как сказано в одном отчете, раньше из этого ничего не выходило («пробовали раза два заказывать, но... ничего не вышло»), так как «только лес начинал поправляться, его сейчас же, по местному выражению, «порубали». Теперь (же), с удовлетворением замечает составитель документа, лес выравнивается очень недурно» [10, № 2, л. 15 об.].

Самый ранний из подобного рода «заказов» был принят «лет 30» назад в отношении «березового леса... лежащего по правую сторону р. Холодной». Общественный запрет был вынесен из-за того, что «зимой с той стороны заносит буранами». По этой же причине лес, который «служит хорошей защитой... не рубят даже теперь, хотя он уже подрос» [10, № 9, л. 3]. Примером целенаправленного улучшения окружающего ландшафта могут также служить попытки «некоторых домохозяев», желавших «удержать на своих (сенокосных) пайках... больше влаги», сделать в ложках «для весенних вод запруды» [10, № 1, л. 3].

Таким образом, отчеты землеустроительных партий, созданные в период реализации столыпинской аграрной реформы, вобрали в себя разнообразные сведения, которые позволяют рассматривать их как специфический источник для изучения такого направления экологической истории, как культурное ландшафтоведение. Представленные документы дают возможность оценить способы адаптации этнолокальных крестьянских сообществ к местному природному окружению и выявить принципы освоения и обживания крестьянами-старожилами и российскими переселенцами степных и лесостепных ландшафтов юга Западной Сибири.

¹Поскотинной называли прилегающие к деревне пастбища, со всех сторон огороженные изгородью, за которой начинались поля. Ср.: «Наша (деревня) Сидоровка была огорожена поскотинной... опоясана кругом изгородью... чтобы скот не ходил на посевы и не поедал урожай» (см.: [7, с. 38]). В землеустроительных документах зафиксирован сезонный характер ее использования, согласно которому «закрывается поскотина в Троицу» [на время созревания урожая. – Г.Л.] и «открывается в первой половине сентября».

Литература

1. Берг, Л.С. Предмет и задачи географии [Текст] / Л.С. Берг // Известия ИРГО. - 1915. - Т. 51. - Вып. 9. - С. 463-475.
2. Головнев, А.В. Арктический этнодизайн [Текст] / А.В. Головнев // Уральск. ист. вестник. - 2017. - № 2 (55). - С. 6-15.
3. Исаченко, А.Г. Введение в экологическую географию [Текст] : учеб. пособие / А.Г. Исаченко. - СПб. : СПбГУ, 2003. - 192 с.
4. Калущков, В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение [Текст] : учеб. пособие / В.Н. Калущков. - М. : Геогр. факультет МГУ, 2011. - 112 с.
5. Кравцов, В.М. География Новосибирской области [Текст] : учеб. пособие / В.М. Кравцов, Р.П. Донукалова. - Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 1999. - 208 с.
6. Кузнецов, Д.В. Внутринадельное размежевание в Западной Сибири в период проведения столыпинской аграрной реформы [Текст] / Д.В. Кузнецов // Вестник Омск. гос. ун-та. - 2013. - № 3 (69). - С. 75-80.
7. Любимова, Г.В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции) [Текст] / Г.В. Любимова. - Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. - 208 с.
8. Миненко, Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVIII - первая половина XIX в. [Текст] / Н.А. Миненко. - Новосибирск : Наука, 1991. - 210 с.
9. Никитин, Н.И. Традиционная практика природопользования и экологические аспекты народной культуры [Текст] / Н.И. Никитин // Традиционный опыт природопользования в России ; под ред. Л.В. Даниловой, А.К. Соколова. - М. : Наука, 1998. - С. 335-355.
10. Отдел архивной службы администрации Сузунского р-на Новосибирской обл. Документы землеустроительных партий по отводу и разграничению лесных и земельных наделов крестьянам Чингинской вол. Барнаульского у. Томской губ.
11. Ф. 7. Оп. 1. № 1. Л. 1-4 об. (д. Артамонова),
12. Ф. 7. Оп. 1. № 2. Л. 14-16 об. (д. Бедрина),
13. Ф. 7. Оп. 1. № 3. Л. 2-5 об. (д. Ерестная),
14. Ф. 7. Оп. 1. № 4. Л. 2-3 об. (д. Заковряшина),
15. Ф. 7. Оп. 1. № 7. Л. 3-5 об. (с. Мышланское),
16. Ф. 7. Оп. 1. № 9. Л. 1-4 об. (д. Холодная),
17. Ф. 7. Оп. 1. № 10. Л. 1-4 об. (дд. Шигаева, Урюпина).
18. Разгон, В.Н. Столыпинские мигранты в Алтайском округе. Переселение, землеобеспечение, хозяйственная и культурная адаптация [Текст] / В.Н. Разгон, А.А. Храмов, К.А. Пожарская. - Барнаул : АЗБУКА, 2013. - 348 с.
19. Тяпкин, М.О. Льготные отпуска древесины населению как элемент системы охраны лесов юга Западной Сибири в первой четверти XX в. [Текст] / М.О. Тяпкин // Вестник Томск. гос. ун-та. - 2016. - № 411. - С. 165-170.
20. Шиловский, М.В. Аграрная реформа П.А. Столыпина и Сибирь: к 100-летию указа от 9 ноября 1906 г. [Текст] / М.В. Шиловский // Гум. науки в Сибири. - 2006. - № 2. - С. 3-6.
21. Щеглова, Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история [Текст] / Т.К. Щеглова. - Барнаул : БГПУ, 2008. - 528 с.
22. Sauer, C. The morphology of landscape (1925) [Text] / C. Sauer // Human Geography. An Essential Anthology. - Oxford : Blackwell publishers, 1996. - P. 296-315.